Крылья из дыма и золота

Автор:
Ава Рид

Крылья из дыма и золота

Ава Рид

Пепел и души #1

Свет и тьма, добро и зло, жизнь и смерть. Это равновесие, которое поддерживают Вечные, теперь нарушено. Ангел света Тариэль отправляется на поиски тех, кто может уничтожить весь мир.

Восемнадцатилетняя Мила обладает даром предвидеть смерть людей. Она приезжает в Прагу, родной город матери, чтобы найти там способ избавиться от своего проклятия. Тариэль догадывается, что Мила как-то причастна к аномальным событиям, угрожающим миру, и начинает следить за ней.

Ангел тьмы Ашер предпочитает не вмешиваться в дела смертных. Но сверхъестественный дар Милы привлекает его внимание. Неужели девушка с необычными способностями повергнет мир в хаос?

Ава Рид

Крылья из дыма и золота

Тем, кто хранит верность

своим фантазиям, своим мечтам,

своим надеждам.

В темные и светлые дни.

Моим читателям.

«В основе этого универсума – равновесие. Для аномалий в нем нет места. Но что произойдет, если кто-то решит, что лучше обратить весь мир в пепел, чем устранить какой-то изъян? Что, если кто-то влюбится в аномалию?»

Вначале было равновесие.

Свет приходил следом за тьмой.

Вечность встречалась со смертью.

Ava Reed

Schwingen aus Rauch und Gold

(Ashes and Souls)

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

The original title: Ashes and Souls – Schwingen aus Rauch und Gold

© 2019, Loewe Verlag GmbH, Bindbach

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Тариэль

Мир замер. Он словно на мгновение задержал дыхание, а вместе с ним и каждое существо, которое несло в себе больше вечного, чем конечного. В этом Тариэль был уверен. Он отчетливо ощущал, как равновесие на мгновение сбилось. Он чувствовал появившийся изъян – словно в груди забилось второе сердце. Что-то внезапно изменилось. Что-то, что выходило за границы человеческого, теперь коснулось их самих, хотели они того или нет. Потому что в этом универсуме нарушения равновесия не предусмотрены. У всего должна быть противоположность.

Тариэль вцепился в светлую рубашку у себя на груди. Он стиснул зубы, скользя взглядом по раскинувшемуся внизу городу. По фонарям, мостам и красным крышам. Заходящее солнце окрашивало все оранжевым. Тени танцевали вокруг, холодный ветер обдувал лицо Тариэля. Он ждал, когда боль отступит.

Это изменение отличалось от всех прочих, которые случались за последние столетия. Подобные вещи происходили постоянно – мелкие проблемы или аномалии, отклонения, иногда случайные, иногда возникавшие по велению судьбы. Ошибки, которые разрешаются сами собой, которые даже не заслуживают упоминания или могут быть легко устранены.

Но это… это изменение не просто поколебало равновесие, оно резко, в одно мгновение, нарушило его, начало его смещать и расшатывать.

Тариэль многословно выругался, а затем на несколько секунд закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Он несколько раз глубоко вздохнул. Он не мог поверить, что за целую вечность они не придумали решения получше.

Неожиданно у него вырвался короткий резкий смешок. Тариэль тряхнул головой и поднял подбородок, чувствуя, как боль медленно рассеивается. Под конец осталось лишь тупое, едва ощутимое биение, словно дурное предчувствие, затаившееся в самом дальнем уголке сознания. Оно окончательно исчезнет лишь тогда, когда он найдет проблему и полностью восстановит равновесие.

Это было неоспоримо и могло означать только одно: кто-то вмешался.

1

Мила

Двенадцать лет спустя

Мила нарушила обещание еще задолго до того, как ступила на землю своего родного города. Взволнованная и возбужденная, она вдыхала свежий весенний воздух, с наслаждением ощущая, как руки покрываются гусиной кожей. Она вглядывалась в туман, который растекался между зданий, по улицам, над булыжными мостовыми – вплоть до другой стороны реки. Первые лучи солнца пронизывали город, медленно пробуждая его к жизни и разгоняя тени по углам. Дома и стены словно пришли из стародавних времен. Миле казалось, что каждый камень в этом городе может рассказать историю. Будто в них таится нечто живое, пульсирующее, шепчущее ей о чем-то. Нечто, связующее тьму и свет и готовое открыть Миле многое, что могло в нем скрываться, – тайны, вопросы, ответы. Немногие места в мире могли похвастаться такой атмосферой.

У таких мест, как это, была душа.

Мила поплотнее натянула куртку, подняла воротник и снова окинула взглядом окрестности. Что-то внутри нее словно узнавало это место, будто она была связана с ним. Но, как бы она ни старалась, воспоминания и образы не

проявлялись, оставаясь скрытыми глубоко внутри. Вместо этого в голове внезапно прозвучал мамин голос. Мила проглотила комок в горле и плотно сжала губы.

«Пообещай мне, Милена, – умоляла она. – Не возвращайся!»

В ответ она кивнула и еще крепче сжала мамину руку, уже тогда понимая, что поступает неправильно. Нельзя давать обещание, если не знаешь, сможешь ли его выполнить. Но точно так же неправильно было бы позволить матери покинуть этот мир, неся на себе большое количество тревог.

К тому же Мила предчувствовала, что все это продлится недолго. Она вышла из спальни, прошла по длинному узкому коридору своей квартиры на крошечную кухню с ядовито-зелеными занавесками на окнах. Сделав себе чай, она приготовила маме стакан воды. Прихватив чай и воду, она пошла обратно, но, еще не успев войти в спальню, уже все поняла. Еще до того как Мила взглянула на безжизненное тело матери и ее прекрасное, но осунувшееся лицо, она уже почувствовала случившееся. Увидела это. Мила подошла ближе, окликнула мать, но та ушла навсегда. Она оставила после себя пустоту и множество вопросов, и это причиняло такую боль, что Мила выпустила стакан из рук – и сама упала рядом. Мама лежала неподвижно, спокойная и серая. Невыразимо серая…

Эту картину Мила никогда не забудет.

Она чувствовала себя разбитой, распавшейся на части. До сегодняшнего дня.

У нее дрожали губы, во рту пересохло, сердце колотилось. Теперь она сама узнает, правда ли то, что ей рассказывали. Правда ли, что время лечит все раны.

Вскоре после похорон Мила собрала свои вещи и навела порядок в тесной квартирке. Большую часть вещей она продала или выбросила, все, кроме некоторого количества любимой одежды и важных памятных вещиц. Вопросы с наследством были улажены, она уволилась с работы в книжном магазине и маленьком кафе и прервала обучение в школе. Аттестат подождет.

У нее больше не осталось родных – по крайней мере, среди тех, кого она знала. Настоящих друзей тоже не было. Пара знакомых, соседи. Хотя Миле всегда хотелось найти друзей, все равно ей рано или поздно приходилось признаться,

что она видит. Какой груз она несет. Из-за этого друзья быстро превращались в чужих людей. Потому что Мила была слишком необычной, и они не верили ей или просто ее боялись.

Поэтому она и покинула Берлин. Она просто двинулась в путь, не переставая мысленно просить маму о прощении, и теперь Мила приехала сюда на последние деньги. В погоне за чувством, значения которого она даже не могла понять. Без конкретного плана, без будущего. Но ответы нужны были Миле как воздух. Потому что у нее было ощущение, что без них она не сможет чувствовать себя целой. Не сможет быть в полной мере собой.

И, честно говоря, это было больше чем предчувствие.

Она должна избавиться от своего проклятья. Оно должно исчезнуть. Возможно, это случится именно здесь. В этом городе.

Мама никогда не говорила с ней о родине, не рассказывала о том, почему она уехала из Праги и из-за чего жила сначала в Амстердаме, потом в Лондоне, затем в Берлине. И зачем она, несмотря на это, частенько говорила с ней на чешском; и что такого случилось с ней в этом городе, раз он вызывал у нее чувство благоговения, граничившее с ужасом. И это были еще не все вопросы – лишь верхушка айсберга. Потому что Мила была уверена только в одном: ее вряд ли можно назвать обычной девочкой.

Она очень рано усвоила, что «быть нормальной» необходимо, чтобы другие тебя по-настоящему принимали. Даже если никто не может ей объяснить, что, собственно говоря, значит слово «нормальный». Мила отличалась от других, с этим не поспоришь. И чувство, что эта инаковость, этот город и скрытность ее матери связаны какими-то загадочными нитями, не отпускало ее, возбуждало и подстегивало ее любопытство. Может, есть и другие люди – такие, как она?

Ее наручные часы показывали почти шесть утра, и усталость, которую Миле удавалось сдерживать последние часы, начала ощущаться во всем теле. Веки тяжелели, она подавила желание зевнуть. Ночную поездку на автобусе было не назвать утомительной или неудобной, но Миле так и не удалось уснуть. И поскольку зарегистрироваться в отеле она сможет позже, ноги привели ее сюда.

Мила постаралась отогнать прочь боль и мысли о маме, сжала пальцы на ручке чемодана и зашагала вперед. Она тащила его за собой – чемодан, в котором была вся ее жизнь.

Мила двигалась дальше, погрузившись в свои мысли, мимо нее проходили люди – шли на работу, начинали свой рабочий день или уезжали в отпуск. На улице становилось шумнее, звуки смешивались друг с другом, но ей было все равно: она не прислушивалась к ним.

Потому что она достигла цели.

Мила остановилась, подняла взгляд на кирпичную башню, которая возвышалась над ней, массивная и непоколебимая, из старого камня, с готическими украшениями и заостренной крышей. Одновременно симпатичная, надежная и пугающая. На фасаде виднелись гербы, статуи королей и различные символы. Выход на Karluv most – Карлов мост, который связывал Старый город с Малой Страной. Мила понимала, что она здесь не в первый раз. Если бы только она могла об этом вспомнить…

Доказательством этому служила ее находка – две маленькие фотографии, сделанные на поляроиде. Не спеша она осторожно вытащила из сумочки два небольших снимка.

Мила перевела взгляд с возвышавшейся до неба башни на черно-белое фото, которое держала в руке. Фотография в одно мгновение развеяла оставшиеся у нее сомнения насчет того, стоило ли сюда приезжать. Эти два фото – все, что нашлось в запыленном старом ящике, который мама спрятала в самом дальнем углу уродливого старого шкафа. На обратной стороне одной фотографии тонким изящным почерком было написано «Praha». Наверное, у мамы дрожала рука: кое-где линии были не такими округлыми и четкими, как обычно. На фото была запечатлена маленькая девочка, которая, улыбаясь, бежала через мост, раскинув руки, с развевающимися волосами и совершенно невинным выражением лица. Внизу было подписано: «Milena».

Вторая фотография была надежно спрятана в ее сумочке. Снимок сильно пожелтел и почти выцвел, и на нем невозможно было различить ничего, кроме маминого лица. Мама смотрела прямо на нее – молодая и счастливая. Миле с трудом верилось, что их лица настолько похожи. На обратной стороне было

написано: «Praha, J?lovska». Название улицы, о которой она еще не успела ничего узнать. Это единственные фото из Праги, которые сохранились у мамы. Хотя она решила оставить прошлое позади и на смертном одре взяла с нее обещание не возвращаться сюда, она все же не смогла выбросить из своей жизни напоминания о своей родине.

– Что же случилось? – тихо прошептала Мила, обращаясь к самой себе, а затем снова двинулась вперед.

Чемодан с грохотом волочился за ней по камням, мешая идти. Мила вошла в высокие и широкие ворота. Она вступила на мост, держа фотографию в дрожащей левой руке, покрасневшей от утреннего холода. Мост был полностью погружен в тень. Туман неохотно отступал, похожий не то на вату, не то на дым. Огонь фонарей колебался в медленном танце, бросая отсветы на нее и на статуи святых, выстроившиеся по обеим сторонам моста.

С каждым шагом Миле становилось все сложнее идти. Вид, в особенности на Влтаву, подавлял и очаровывал ее. Туман покрывал воду, лишь кое-где проглядывали блики – там, куда уже достигало солнце.

«Наконец-то я здесь», – пронеслась мысль в ее голове. Мила поставила чемодан на землю и принялась сравнивать фотографию с той картиной, которая простиралась перед ее взором.

Вот оно.

Мила присела на корточки и торопливо спрятала фото обратно в сумочку, чтобы протянуть руку и коснуться земли. Это было дурацкое желание, но она не могла ему противостоять. Она хотела дотронуться до места, где она стояла когда-то давно, в детстве. Она провела кончиком пальца по холодным камням, по их гладким бокам, по трещинам и неровностям, по грязи. Почему-то ей казалось, что нужно сделать именно так. Мила мысленно молила город, чтобы он рассказал ей о ней самой, поведал ей о том, что она забыла. Закрыв глаза, она отдалась своим мыслям. Ее голова слегка наклонилась вперед, густые волосы упали на глаза, и ветер коснулся ее шеи.

Я дома.

«Jsou v poradku?»

Кто-то дотронулся до плеча Милы так неожиданно, что от испуга она чуть не потеряла равновесие. Она тут же распахнула глаза, пошатнулась и оперлась рукой о землю. Мужчина средних лет склонился над ней, сунув руки в карманы своего пальто, и посмотрел на нее сквозь стекла больших угловатых очков.

– С вами все в порядке? – спросил он.

Кровь зашумела у Милы в ушах. Она так погрузилась в свои мечтания и размышления, что все остальное словно пропало из поля зрения. Это было очень любезно с его стороны – подойти к ней, потому что она опустилась на колени посреди моста в столь ранний час. Она заставила себя дышать медленнее, чтобы успокоиться, и изобразила дружелюбную улыбку. Не только из-за его вопроса.

– Ano, dekuji – ответила она хриплым, но уверенным голосом, чувствуя, как краснеют щеки. «Спасибо, все нормально».

Мужчина коротко кивнул и пошел дальше своей дорогой. Мила с трудом сглотнула. Серый. Он был Серым.

Чувствуя, как колотится сердце, Мила ругала себя: нельзя подпускать к себе эти мысли. Снова и снова она напоминала себе об этом. Сочувствие вызывало у нее только грусть, гнев заставлял застыть на месте. И ни то, ни другое Серым ничем не поможет. Еще никто и ничто не смогло. Так что она позволила ему уйти, больше не глядя мужчине вслед, и изо всех сил старалась изгнать его из памяти.

Это проклятье настигало ее слишком часто.

Теперь мост выглядел более оживленным, солнце светило ярче, а фонари уже погасли. Сколько же она простояла на месте, не замечая ничего вокруг?

Пора.

Мила встала, отряхнула руки от грязи и тихонько вздохнула. Она убедилась, что обе фотографии по-прежнему лежат в сумочке, что она не выронила их по неосторожности, и пошла обратно – в направлении Старого города. Она еще

вернется.

Около ратуши ей захотелось выпить кофе или горячего шоколада, чтобы взбодриться и собраться с силами, прежде чем искать номер в отеле. Она должна отдохнуть, ей нужен сон. А потом она сможет осмотреть город.

Где-то здесь ее ждали ответы. Все, что она искала. Она хотела бы в это верить – точнее, она на это надеялась.

И все же у нее была всего одна идея, всего одна возможность, которая на самом деле могла ей чем-то помочь. А именно: ей нужно было выяснить, зачем ее мама подписала название улицы на фотографии, спрятанной в потайной ящик. На фотографии, которая была родом из того времени, из того города, который она хотела забыть. «Йиловска». Может, там найдутся люди, которые смогут ей помочь.

Она понимала, что хватается за соломинку, но надеялась, что этой соломинки хватит, чтобы привести ее к цели. Прага была для нее единственной зацепкой.

Корни Милы были здесь, и она хотела узнать о них больше. Если все сложится, она даже сможет освободиться от своего проклятья. Или, по меньшей мере, понять, откуда оно взялось и почему пало на нее.

«Скоро, – сказала она себе. – Скоро все изменится».

Глубоко вдохнув, она мысленно ухватилась за последнюю искорку надежды, которая у нее еще оставалась.

Солнечные лучи начинали согревать Милу, и пока она не спеша шла к одному из кафе рядом со Староместской площадью, она немного расстегнула молнию куртки. Старый город был прекрасен, он излучал неповторимое очарование. Особенно часы на ратуше. Она остановилась, глядя на них и восхищаясь исключительным мастерством, которое понадобилось, чтобы создать такой чудесный механизм.

Перед отъездом Мила постаралась узнать побольше об отдельных зданиях и культуре своей родины. Она знала, что эти астрономические часы были созданы

в 1410 году и представляют собой ценный памятник искусства. Долгое время на них не было никаких необычных украшений или фигур – они просто показывали астрономические сведения. Лишь позднее под часами добавили календарь – дополнительный циферблат под основным. У самих часов было три циферблата. Один показывал движение знаков зодиака, другой – положение Солнца, а третий – положение Луны. Апостолы и другие фигуры приходили в движение каждый час с девяти утра до девяти вечера. Это было настоящее произведение искусства, от вида которого у Милы перехватывало дыхание. Легенды, исторические места и здания – и в целом история – приводили ее в восторг.

Усилием воли она отвела взгляд от часов и двинулась дальше. Громкое урчание в животе и слипавшиеся глаза не оставляли ей другого выбора. Прямо за углом обнаружилось небольшое очаровательное кафе. Мила села на один из бежевых стульев, стоявших снаружи, на террасе.

Пить кофе на голодный желудок показалось ей не слишком хорошей идеей, поэтому она устояла перед искушением и заказала вместо него горячий шоколад с большим количеством сливок. Она обхватила руками чашку, чувствуя, как пальцы постепенно отогреваются, и подула на напиток, надеясь его охладить.

Шоколад согрел ее изнутри. Немного расслабившись, Мила снова огляделась по сторонам, теперь более внимательно. Суета уже проникла и сюда. Люди шли по улицам, неспешно или торопливо, поворачивали и исчезали из виду, а вскоре из-за угла появлялись новые прохожие. Так много разных лиц и историй. И ни одной из них Мила не знала. Так много ярких красок и так много серого. Честно говоря, она к этому почти привыкла, пока ее мама не…

Теперь, когда ее не было рядом, груз стал слишком тяжелым. Только она верила Миле, знала о ее проклятии, принимала ее всерьез – и несмотря на все это, оставалась рядом. А больше никто. Никто.

Как можно было не возненавидеть то, что давит на грудь так, что перехватывает дыхание, то, что порождает кошмары и лишает мир красок? И как не чувствовать себя сломленной теперь, когда единственного человека, который ее любил, больше не было рядом?

Когда происходящее касается тех людей или вещей, которые по-настоящему любишь, все переживается иначе. Глубже, сильнее и болезненнее. Когда

любишь, любые чувства становятся ярче. Проклятье Милы всегда было для нее тяжелым грузом, но когда она увидела, как ее мама становится Серой у нее на глазах, ей показалось, будто она куда-то падает. И сейчас она боялась, что это чувство начнет преследовать ее.

«Ты – это ты, Милена. Но мир, возможно, об этом другого мнения. Что-то следует хранить в тайне».

Она услышала мамин голос так громко и четко, словно мама стояла рядом, держала ее за руку и нашептывала эти слова ей на ухо. В какой-то момент Мила не только поняла этот совет, но и по-настоящему прониклась им, и теперь искренне следовала ему. Всегда, как бы больно ни было. Как бы больно ей ни было сейчас.

Тайны не обещали ничего хорошего. Тайны делают тебя одинокой. Вот о чем не рассказала ей мать. Но Мила знала, что, если поделиться тайной – тоже останешься в одиночестве. Некоторые тайны как проклятье. Например, ее собственная. Но и с проклятьем можно выживать. Мила была тому наилучшим доказательством.

Но она хотела большего. Она хотела жить.

2

Тариэль

Они до сих пор считали, что этот мир – идеальное воплощение равновесия. Даже сейчас, после того мгновения тишины, первого за много лет. После той невыносимой боли.

Хотя аномалия продолжала существовать, она не исчезла сама собой, и никто не мог ее найти. Она еще не разрушила, не уничтожила равновесие – пока что. Но это не означало, что она перестанет стремиться к этому. Как вообще возможно говорить о равновесии, если оно находится под угрозой изо дня в день?

Остальные могли и дальше спокойно обманывать себя. Возможно, они просто убедили себя, что эта аномалия вообще не заслуживает даже упоминания. При этом каждый из них мог почувствовать ее – стоило лишь достаточно сильно сконцентрироваться. Каждому, кто собирался произнести слово «равновесие», пока проблема оставалась нерешенной, лучше было держаться от Тариэля подальше.

Не то чтобы Тариэль знал что-то лучше других. У него не было никаких зацепок, никакой информации. Но его интуиция в течение всех двенадцати лет, прошедших с того случая, умоляла его отнестись к этому серьезно – если он хочет приблизиться к своей цели или, по крайней мере, найти ответы на свои вопросы. Но он никак не мог отыскать изъян, не говоря уже о том, чтобы понять, что его вызвало. Его все сильнее охватывали разочарование и беспомощность, и все сильнее ему хотелось обрести покой. Тариэль жил так долго, что вряд ли мог отчетливо вспомнить каждый год своей жизни. Да, он мечтал о покое, но все-таки не мог сдаться.

Быстрым и резким движением он провел рукой по своим коротким волосам и отбросил все эти мысли прочь. Он знал, что скоро они вернутся снова, но хотя бы на какое-то время он от них избавился. Потому что там, где он сейчас находился, ему казалось, будто он выше всех проблем, которые его волновали. Это была сфера света.

Люди называли это место Небесами, а Тариэль – домом. Оно одновременно было и не было частью земного пространства. Его сфера находилась будто в промежутке между человеческим миром и остальной частью универсума, на границе между «здесь» и «там». Это место было частью бесконечности – во времени и в пространстве.

Ни для кого не секрет, что смертные за свою бесконечно долгую историю существования верили во множество богов и небес. Если бы они только знали, что все они думают об одном и том же, но в то же время не имеют ни малейшего понятия, о чем говорят. Если бы они только знали, как далеки от истины! Как далеки от понимания, кто такой Тариэль на самом деле.

Ангелы. Так их называли люди. И почему-то это придуманное людьми слово закрепилось. Хотя они сами предпочитали определять себя как Вечных или Хранителей, они тоже отчасти привыкли к этому названию. Но на самом деле они не были теми, кого в них видели люди. Божьими посланниками. Над этим

Тариэль мог только посмеяться. В том, что люди знали о крылатых созданиях и придумывали о них собственные истории, были, в общем-то, виноваты они сами.

Тариэль тряхнул головой, а потом, вздохнув, окинул взглядом окружающее его пространство, проникаясь им.

Здесь его окружала совершенная тишина. Он наслаждался ею, глубоко дыша, оставив за спиной энергетическое поле, через которое только что прошел. За все время он так и не привык к этому способу перемещения. Ощущение воздействия чужеродной энергии, пронизывавшей его, было не очень ему по вкусу. Пожалуй, он его даже ненавидел. После перемещения его всегда охватывало неудержимое желание призвать свои крылья, расправить и вытянуть их. Вот как сейчас. Тариэль прочувствовал их до последнего перышка, осознавая каждое движение, хотя здесь не было ни ветерка, ни холода, ни жары.

В этой сфере не существовало тьмы, не было ночи и, оглянувшись по сторонам, невозможно было увидеть ничего, кроме света – приятного свечения, которое не ослепляло. Его было недостаточно, чтобы разглядеть, как далеко до горизонта простирается это место.

Тариэль не смог сдержать блаженного вздоха, а затем огромные белые крылья у него за спиной снова исчезли, распавшись на мельчайшие частицы и рассеявшись в воздухе. Через некоторое время он уже поднимался по лестнице, узкие, изящные ступени которой вспыхивали золотом у него под ногами.

Характерное покалывание, похожее на статическое электричество, пробежало по коже Тариэля, перед тем как он вошел в здание. Покой остался позади. Он уже ощущал его противоположность. Если бы он усилием воли опустил свою защиту, смог бы даже почувствовать каждого отдельного Светлого Вечного. Их мощь и их мысли пульсировали в нем как эхо, смешивались с его собственными, превращаясь в хаос и теряя всяческий смысл. Вечные старались избегать таких моментов, потому что они были болезненными и надолго лишали их сил. Держать эту энергию под контролем давалось труднее, чем просто отключиться от других и защитить свой собственный дух.

Тариэль поднял правую руку, положил ее на большую двустворчатую дверь перед собой и растопырил пальцы. Затем он позволил части своей первозданной силы протечь по всему телу, почувствовал, как она заполняет его ладонь и

перекидывается на дверь. Его внутренний свет был уникальным опознавательным знаком, как отпечаток пальца. Дверь признала его и в следующее мгновение с тихим щелчком распахнулась.

Пройдя внешние двери, Вечный автоматически телепортировался в центр здания. Оттуда можно без проблем добраться в любой уголок сферы. При условии, что на вход туда было разрешение.

Теперь Тариэль оказался довольно далеко от места, где он прошел в двустворчатую дверь.

Этот центральный пункт стал частым местом встреч, и здесь действовали некоторые неписаные законы. Все, кто попадал сюда, издавна старались оставить любые ссоры за пределами сферы – подальше отсюда. Порокам и удовольствиям место на темной стороне.

Осмотревшись, Тариэль увидел привычную деловитую суету. Вечные появлялись и уходили, изучали информацию на табло, спешно проносились мимо или взволнованно беседовали друг с другом. Большинство были в светлых одеждах, потому что считали, что свет должен проявляться во всем. Еще один неписаный закон. Иногда Тариэль задавался вопросом, почему они придают такое большое значение внешнему виду, который не интересует никого, кроме них самих. Это пустая трата времени, мыслительной энергии и ресурсов, но сам Тариэль не мог и не хотел отказаться от этого правила. Как бы он ни сомневался, ему не слишком хотелось что-либо менять. Наверное, в этом принципе тоже есть что-то правильное. Он в это верил.

Здание, в котором он оказался, представляло собой смесь архитектурных элементов из разных эпох. Белый известняк и мрамор, огромные колонны в зале, искусные украшения на потолках сочетались с металлом и сталью. Каждые пару сотен лет внешний вид приводили в соответствие с новейшими веяниями времени или меняли по необходимости – за редкими исключениями. Периодически Совет принимал решение о новом дизайне. Чем больше кто-то цепляется за рутину, правила и старые привычки, тем упорнее он стремится привносить куда-нибудь хоть мелкие, незначимые изменения. Такие, которые что-нибудь изменят, не меняя при этом ничего. Не имеющие ни на что прямого влияния. Особенно при условии, когда жизнь длится вечность.

Это здание представляло собой конструкт идей, фрагмент универсума, состоящий из множества мелких частей. Как и все остальное. Когда немногочисленные среди Вечных архитекторы концентрировали свою мощь, они могли одной только силой мысли водружать камень на камень, формировать материю и воплощать свои желания. Другие Вечные были способны на это лишь в ограниченных масштабах и уж точно не справились бы с большими сферами. Архитекторы не были ни воинами, ни великими мыслителями. Они направляли свою энергию только на эту единственную задачу, едва заботясь о развитии прочих способностей. Такая магия требовала большой сосредоточенности и делала их уязвимыми. Некоторое время после такого напряжения даже самая слабая магия оставалась им не по силам. Подобного тоже старались избегать.

– Тариэль, красавец ты наш! – внезапно прогремел голос у него за спиной, и в следующее мгновение прямо перед ним появился Михаэль. Как обычно, со своей непринужденной, невероятно нахальной ухмылкой и возмутительно взъерошенными волосами.

– На себя бы посмотрел, – ответил Тариэль. Ухмылка Михаэля стала еще шире.

– Я как обычно, – смеясь, признался он, дружелюбно и крепко похлопав Тариэля по плечу. Это было неожиданно – встретить Михаэля здесь в такое время.

– У тебя нет сегодня заданий снаружи? Только не говори, что ты снова нарвался на предупреждение. Сколько уже папок у тебя накопилось? Наверное, для них уже отдельная комната понадобилась?

– Знаешь, «предупреждение» – это так негативно звучит. Я смотрю на все это скорее как на милую и занимательную перепалку, которая поддерживает меня в хорошем расположении духа. – Глаза Михаэля весело сверкали. Он скрестил руки на груди. Похоже, он снова вел какие-то игры с Вечными из Управления.

– Ты же понимаешь, что рано или поздно они найдут способ, чтобы положить всему этому конец и одеть тебя в простые светлые одежды?

– Конечно! И я порадуюсь, когда этот день настанет. В конце концов, эта забава длится уже не одно столетие, и когда-нибудь нам понадобится придумать новую игру.

Тариэлю оставалось лишь недовольно покачать головой. Как бы скучно Михаэлю ни было, лучше бы ему оставаться настороже. Прежде всего ему не стоило бы постоянно появляться здесь в джинсах с бесчисленными дырками, в вызывающих темно-черных ботинках и в расстегнутой черной рубашке. По крайней мере, сегодня он не стал надевать эту ужасную кожаную куртку. Не то чтобы это запрещено. На самом деле ничего не запрещалось. И Управление существовало скорее для видимости. Оно должно было поддерживать в порядке кое-какие дела и разбираться с малозначительными бумагами. Если правил нет, то и нарушить их нельзя. И все-таки Управление следило за тем, чтобы соблюдались определенные принципы. Оно помогало первым Вечным. Совету. Кто знает, как долго еще игры Михаэля будут сходить ему с рук?

Несуществующие правила необязательно закреплять в письменном виде, поскольку было ясно, что кое-что в них все равно не впишется. Они были Светлыми. Они не носили темного. Каждый чувствовал невидимые границы, в рамках которых они существовали, каждый воспринимал их как своего рода моральный компас. И Михаэль тоже. В итоге он пришел к выводу, что Вечности не помешает немного разнообразия, а его светлый моральный компас иногда просто путается в направлениях. По этой причине у него дома громоздились папки с предупреждениями, в которых от него снова и снова требовали положить конец сему безобразному поведению.

Закусив губу, Тариэль оглядел Михаэля с ног до головы.

– На что ты вообще рассчитываешь? Это какой-то бунт? Или тебе просто нравятся такие вещи? Я не понимаю.

На мгновение улыбка исчезла с лица Михаэля, и его лицо посерьезнело. Так мимолетно, что Тариэль даже засомневался, произошло ли это на самом деле. Кажется, он задел Михаэля за больное место. Но ему было интересно, почему его старый друг приходит в граничащий с одержимостью восторг от своего маленького бунта, который, по сути, ни к чему не ведет.

Но прежде чем он успел прийти еще к каким-то чересчур далеко идущим выводам относительно поведения Михаэля, тот разразился громким смехом.

– Я называю это исследованием. Мы – свет, все, кто здесь. Я знаю свое место так же хорошо, как и ты. Это просто небольшое развлечение, способ скоротать

время. Ничего больше. Мне кажется, это только к лучшему, если Управление немного напряжется и наконец-то займется делом. Настоящим делом.

– За последние столетия ты единственный, кем они занялись.

– Единственный, о ком мы знаем, – резко возразил Михаэль, одновременно по-дружески стукнув Тариэля кулаком по руке и подмигнув ему. В ответ на это Тариэль даже слегка улыбнулся.

– Ты получаешь от этого всего удовольствие. Просто будь осторожнее, больше я от тебя ничего не требую. Если границы невидимы, это не значит, что их нельзя перейти.

– Ничего себе! – Открыв рот, Михаэль театрально прижал руку к груди. – Сейчас ты меня по-настоящему удивил! Что на тебя нашло? С каких пор ты такой ворчун? Ну ладно, это неправильный вопрос. С каких пор ты стал еще ворчливей и серьезней, чем обычно?

Тариэль отвел взгляд и промолчал.

Все больше и больше Вечных проходили мимо них, деловитые и занятые, но дружелюбные. Некоторые здоровались. Со многими из них Тариэль был знаком с самого начала времен. Как Тариэль и Михаэль, они тоже оказались среди первых, кто встал на сторону света.

– Ну давай, выкладывай. Что случилось?

– Проклятье, ничего такого! – пробурчал Тариэль сквозь стиснутые зубы.

– А, я понял, в чем проблема. – Михаэль сочувственно кивнул – и Тариэль увидел, как его глаза хитро свернули. Он догадывался, что за этим последует.

– Ни в коем случае, – он начал возражать, но было уже слишком поздно.

– Покер! Сегодня вечером! Как раз пора. Слишком много лет прошло. Немудрено, что настроение испортилось.

– Я не хочу…

Тариэль собирался сказать что-то еще, но тут по залу разнесся чересчур громкий голос, от которого пол задрожал под ногами.

– Михаэль, старый вояка! Хоть раз оделся бы прилично! А то тебе снова предупреждение выпишут.

Тариэль различил озадаченный и настороженный голос, судя по всему, принадлежавший тому, кто сидел у микрофона.

– Простите? – перебил его смотритель Вечных таким высоким тоном, что у Тариэля заболели уши.

– О, и на покер я точно приду!

– Простите! Что вы здесь делаете? Уберите руки! – Голос смотрителя почти перешел на визг, стал еще громче, а потом что-то зашуршало.

– Эй, что за дела? Можно подумать, микрофон принадлежит только вам! Вот это весело…

Послышались шорох и треск. Затем высокий звук, от которого по коже пробежали мурашки, заставил всех вздрогнуть, а в следующую секунду микрофон вырубился. Либо дело было в этом звуке, либо в Иезекииле. Тариэль склонялся ко второй версии.

– Ах, Зак, – восторженно произнес Михаэль и показал поднятые большие пальцы, зная, что друг точно увидит их на экране камеры. Одно небольшое облачко видеонаблюдения как раз проплывало прямо над ними. Оно напоминало сахарную вату.

Тем временем еще несколько Вечных покосились на них издали. Тариэль повернулся, испытывая смесь веселья и раздражения, и зашагал в сторону зала Совета. Ему приходилось прилагать усилия, чтобы не оглядываться.

– Эй, Ти! Сегодня вечером. В то же время, на том же месте! – крикнул Михаэль ему вслед. Он был единственным, кто так называл Тариэля, и единственным, кого Тариэль не смог от этого отучить. Прозвища были лишь забавным изобретением, в которых он ничего не понимал.

Тариэль отмахнулся от него и принялся, не оглядываясь, прокладывать себе путь сквозь толпу.

3

Тариэль

Тариэль беззвучно скользил над безупречной поверхностью. Над ним плыли бело-золотые светлячки, большие как звезды, отливающие металлическим блеском. Они оживляли пространство под высоким потолком. Светлячки были созданы, чтобы передавать вести из одного места в другое. Каждый горящий светлячок уже нес на себе послание кого-то из Вечных. Но для Михаэля это, как всегда, оказывалось недостаточно быстро, поэтому он уже привык заменять их электронными письмами и компьютером, чтобы работать более эффективно. В конце концов, приходится осваивать совершенно разные штучки-дрючки, как он это называл.

Сначала эти технологии переняли, а потом от них отказались. Михаэль, кажется, об этом забыл. Как и факсы, от которых все здание B1 пропахло дымом, после того как они загорелись. Или ксероксы, которые под конец начали просто пожирать бумагу. Ничего удивительного, что Михаэль всегда оказывался неподалеку, если что-то шло не так. И это одна из причин, почему никто не хотел ставить в столовой тостер или гриль. И никто не понимал, что такого Михаэль находит в этих человеческих вещах. Он питал слабость к людям и их миру.

Тариэль двигался дальше – через широкие коридоры, украшенные древними статуями или разноцветными росписями на стенах.

Здание было бесконечно большим. В самых важных центральных точках располагались узловые пункты. Их связывал друг с другом поток, наполнявший энергией этот мир, сферу и все остальное, что она включала в себя, поддерживая его целостность. Благодаря этому можно было создавать телепортационные поля или даже порталы. Они излучали мягкое красно-золотистое свечение с серебристым отливом и помогали быстрее добираться до нужного места, не тратя энергию впустую.

Тариэль направился к одному из таких узловых пунктов, чтобы переместиться прямо в главный зал, к совершенно определенному помещению. Оно находилось точно в центре сферы. Ноги несли Тариэля дальше, пока его ступни не оказались на нужной отметке. Тогда он соединил свою энергию с энергией узлового пункта. Сконцентрировавшись на своей цели, он исчез. Частица за частицей он перемещался в нужную точку.

Через несколько секунд он материализовался точно перед нужным помещением. Тариэль вышел из энергетического потока, непроизвольно потянулся – и только усилием воли сумел подавить дрожь. Он предпочитал использовать крылья, перемещаясь за счет собственных сил, но внутри этой части пространства действовало очередное неписаное правило: крылья под запретом!

Здесь было тише, чем в остальной части здания, видимо потому, что редко кому-то приходило в голову без дела болтаться рядом с помещением, у входа в которое он оказался. На этом уровне не располагалось ничего, кроме этого зала. Даже жужжания светлячков здесь не было слышно. Обычно он наслаждался тишиной, но здесь она казалась неуютной и подавляющей. В воздухе словно висела какая-то тяжесть, похожая на затишье перед бурей.

Тариэль громко откашлялся. Его нерешительность продлилась одно мгновение и была почти незаметной, но она никуда не делась. Все это выводило его из равновесия – собственная нерешительность, это телепортирующее поле, это помещение, в которое он должен будет войти в следующую секунду, и неизменный, всегда одинаковый отчет.

Тариэль собрался с духом, а затем поднял голову, выставил вперед подбородок и широко расправил плечи. Он осмотрел свою одежду, убедившись, что рубашка сидит хорошо и что всем своим видом он излучает контроль и уверенность в себе.

Все выглядело идеально. Подчеркнуто уверенными шагами он подошел к гигантской двустворчатой двери цвета красного дерева, на которой посередине красовались два отпечатка ладоней. Глубоко выжженные, они выделялись на деревянной поверхности, словно памятный знак. Когда на них падал свет, они слабо мерцали серым или серебристым. Это единственная неровность на двери. По незнанию можно было принять их за какой-то дефект. Но на самом деле они – предупреждение и демонстрация силы, о которой никогда не говорили вслух. Энергия, исходившая от них, была столь велика, что у Тариэля перехватывало дыхание, когда он приближался к ним. На отпечатки было наложено заклятье, в них в каком-то смысле вдохнули жизнь. Каждый раз, когда он должен был войти внутрь, ему казалось, что как-то так чувствуют себя кошки, которых гладят против шерсти. Все его существо противилось этому.

Чем ближе Тариэль подходил к двери, тем сильнее становилось это ощущение, и если уж эта дверь действовала так на него, Вечного второго ранга, он и знать не хотел, как здесь чувствуют себя младшие. Те, кто прожил еще не так много и кому тяжелее переносить воздействие этой силы.

Слабым здесь делать нечего. Их Тариэль презирал.

Так же сильно, как и подобные демонстрации силы.

Эта дверь не нужна, в ней нет никакой необходимости. На самом деле никакой.

Он никогда не произнес бы этого вслух, но, сколько он себя помнил, это уже не раз приходило ему в голову. Эта дверь – лишь еще одно невысказанное правило, еще одна невидимая граница, и она принадлежала к числу вещей, которые понимались интуитивно, которые не нужно было проговаривать вслух. Существовала четкая иерархия, и такие моменты, как этот, напоминали о ней. Ведь чтобы открыть эту дверь и выжить, нужно обладать определенной силой – не говоря уже о том, что не каждый в принципе был на это способен.

Только три ангела были старше Тариэля – и, таким образом, старше всех остальных, – именно из них с давних времен состоял Совет. Никто не подвергал это сомнению. Ни тогда, ни сейчас. Не здесь.

Тариэль ненавидел эти двери. И все же он никогда не стал бы ставить под сомнение Совет и его намерения.

Наконец он поднял руки и растопырил пальцы. Стиснул зубы так сильно, что они заскрипели. Затем он положил ладони на гладкую древесину так, чтобы пальцы точно легли в углубление. Отпечатки ладоней мгновенно нагрелись, дерево у него под руками засветилось золотисто-багровым. Внешне он казался спокойным, отстраненным. Но внутри Тариэль закричал, когда волна энергии пронизала его – волна энергии, которая не принадлежала ему и причиняла боль. Руки начало обжигать, они сплавлялись с отпечатками на стене, энергетический удар добрался до каждой клеточки его тела, и хотя боль длилась лишь несколько мгновений, они показались ему вечностью. Ощущение было отвратительным, резким и в каком-то смысле очень личным. Как будто энергия дверей просветила его всего насквозь, выявив все, из чего он состоит, раскрыла его мысли и проникла в его воспоминания. Каждый раз он словно терял мельчайшую частицу себя.

Двери раскрылись, словно сами собой. Они распахнулись внутрь, высвободив обожженные руки Тариэля. Они сразу же исцелятся.

Помещение за дверью выглядело почти стерильным. Построенное с размахом, гигантских размеров в высоту и в ширину, но обставленное очень скупо. Оно воплощало идеальный порядок. Ракель, Ахру и Артас сидели в огромных кожаных креслах посреди комнаты, просматривали документы, пили и разговаривали друг с другом. Весь пол покрывали толстые белые ковры, и кожаные кресла оставались единственным ярким пятном в помещении. Они были потертыми, но все равно стильными, окрашенными в прекрасный оттенок темно-зеленого. Посередине стоял необычный овальный стол. Поверхность его стеклянной столешницы изгибалась, словно морские волны – ровными были только вырезы для чашек. Вдоль стен выстроились шкафы с документами, письмами, извещениями, важными сведениями и отчетами.

– Тариэль, приятно тебя здесь видеть, – заговорила первой Ракель. Ее голос отразился от стен тихим, приятным эхом. Он прозвучал слегка саркастично, словно с издевкой, и в то же время мягко и доброжелательно. Ее голос таил в себе двусмысленность и опасность – как и все Вечные, к числу которых она принадлежала.

Остальные члены Совета только молча повернулись в сторону Тариэля, который подошел к ним, сел на свободное кресло и слегка откинулся назад. Не слишком резко, не слишком расслабленно, но и не слишком напряженно. Он скрестил

ноги, пристроил руки на подлокотники и дружелюбно ответил на фальшивую улыбку Ракель.

– Могу только ответить тем же, – произнес он. Ракель слегка склонила голову.

Ей нравились эти игры, эти шуточки. Маленькие и не очень. В ее присутствии Тариэль оставался всегда начеку, потому что она была из тех, кто искренне старается добиться чужого доверия только для того, чтобы в следующий момент вонзить кинжал в спину собеседника.

Непредсказуемая. Опасная. Могущественная.

– Тариэль, какая честь.

Артас пристально посмотрел на него. Ахру, напротив, снова сосредоточился на бумагах, не поднимая взгляда. Конечно, приветствие Артаса содержало в себе упрек, потому что он должен был представить отчет еще на прошлой неделе. Тариэль изобразил невозмутимость, выдерживая пристальный взгляд. Он прожил уже достаточно, чтобы себе это позволить.

Тариэль не был рабом.

И когда он не продемонстрировал ни раскаяния, ни желания отвечать, Артас изобразил натянутую улыбку и выпрямился в своем кресле.

– Раз уж ты почтил нас своим присутствием, расскажи, есть ли какие-нибудь новости? – Медленно и задумчиво он сложил руки на коленях.

От Тариэля не ускользнул его тон. Он понимал, к чему ведет Артас. Этот разговор уже много лет начинался и заканчивался совершенно одинаково.

– Я расследовал один случай вблизи Нью-Йорка.

«Такой же случай, только в другом городе», – мысленно добавил Тариэль.

– Ты же знаешь, что этот регион – не твоя зона ответственности, – сладким голосом произнесла Ракель.

Тариэль не стал возражать.

– Есть какой-то результат? – продолжал расспрашивать Артас.

– Нет. – Тариэль вздернул подбородок – слегка, но остальные это заметили.

Поджав губы, Артас переглянулся с Ракель. Повисла тишина, и эта тишина пожирала Тариэля изнутри так же, как до этого энергия двери. Неудержимо и отвратительно.

– Завтра я продолжу поиски в Европе.

– Нет.

– Нет?

Эти слова прозвучали так неожиданно, что Тариэль едва сдержался. Уже много лет Артас в этом месте просто требовал через несколько месяцев предоставить следующий отчет.

– С этого момента ты больше не занимаешься поисками данной аномалии. Ради твоего же блага.

Ради его же блага. Если бы только Тариэль мог в это поверить. Он чуть не спросил, громко рассмеявшись, кто придумал эту неудачную шутку. Но вместо этого он лишь фыркнул, вглядываясь в лицо Артаса в поисках ответа. Ахру, наконец, поднял взгляд и заговорил:

– Тариэль, мне все равно. Но если что-то не удается, нужно уметь это отпустить.

– Если тебе интересно, у меня другое мнение. Мне нравится, что ты так отчаянно и упрямо мечешься по миру, как собака, которая ищет кость. – Тихий смешок Ракель сочился ядом.

– Вам кажется, будто я впустую трачу время. Будто я гоняюсь за чем-то совершенно банальным. – Его пальцы вцепились в обивку кресла, самообладание

покинуло его, он больше не мог сдерживаться. Он слишком разозлился. Он почувствовал себя смешным. – Разве вы не помните, что произошло? К какой цели мы стремимся уже много лет?

– Конечно, помним, – ответил Ахру почти со скучающим видом.

– Мы ощущаем аномалию, возможно, более сильную, чем ты сам, Тариэль. Но она оказалась лишь мелким изъяном, который не менялся и не расширялся. При ее возникновении равновесие сильно нарушилось, об этом знаем мы все, но потом оно успокоилось и с тех пор оставалось неподвижным. Аномалия спит. Рано или поздно она исчезнет сама собой. Твою энергию следует расходовать с большей пользой.

– Артас, это пустые домыслы.

– За двенадцать земных лет нам не встретилось ничего необычного, что можно было бы связать с возникновением этой аномалии. У нас нет никаких зацепок, чтобы узнать, кто это или что это. А у тебя?

– Нет, – с тяжелым сердцем признался Тариэль.

– И мы не знаем, кто пробудил эту аномалию к жизни. Это мог быть кто угодно из Вечных, каждый может оказаться замешан. В этом уравнении слишком много неизвестных, слишком много неясности, чтобы искать ответ.

В его голосе не звучало черствости, по крайней мере явной, хотя выражение лица и язык тела пытались убедить Тариэля, что Артас его понимает.

– Мы – Хранители света и равновесия. Вы об этом забыли? – Тариэль не заметил, как во время разговора менялось настроение в зале. – Мне что, тоже сдаться? Вы этого от меня требуете?

– Дорогой, ты так любишь театральность. – Ракель разгладила складку на своем обтягивающем серебристом платье, которое ниспадало до самых ее босых ног.

– Мы хотим, чтобы ты оставил в покое этот вопрос. Мы не хотим будить то, что, скорее всего, находится в покое. Аномалия существует, и она велика, это мы

знаем. Но ее устранение – не единственная наша задача. Мы не можем допустить, чтобы из-за наших действий она увеличилась. У тебя было двенадцать лет. Пора заканчивать.

Артас говорил жестко и напористо, не предполагая возражений, и все-таки Тариэль не мог с такой легкостью подчиниться, отказавшись от своих намерений.

– А если я не соглашусь?

Тут же все вокруг задрожало, послышались гулкие раскаты грома, хотя никто не двинулся с места. Из-под кожи Артаса заструился свет, который распространялся по комнате, пока не достиг Тариэля. Тариэль стиснул зубы от боли, пытаясь противостоять, но долго он не выдержал бы. Артас это знал. В следующее мгновение он рывком отозвал свою силу. Никакой дрожи земли, никакого свечения – все кончилось. Ни Ракель, ни Ахру это как будто вовсе не задело.

Посыл был ясен. Тариэль зашел слишком далеко.

Ахру протянул ему отчет.

– Сделай хоть что-нибудь полезное – прочитай вот эти бумаги. Мы должны проверить, сохранялось ли в этом году равновесие во всех остальных областях Земли. А также убедиться, что нам сообщают обо всех отклонениях.

Возня с бумагами. Разговор окончен.

Тариэля только что понизили в должности.

4

Мила

Особенный – это просто другое слово для «иного». Никто не хочет быть «особенным», «не таким, как все». Все просто хотят быть самими собой. Хотя это, конечно, намного сложнее, чем просто найти для себя какой-то ярлык – в этом Мила была абсолютно уверена.

Но чтобы быть собой, ей предстояло сначала найти себя. Она не переставала спрашивать себя о том, кто же она такая и как она стала тем, кем является сейчас. Что она собой представляет, когда ей не хватает стольких ответов, стольких воспоминаний?

Из чего на самом деле складывается человек?

Отпустив мысли на волю, Мила наблюдала за ними. Комната, в которой она находилась, была крошечной и тесной, с красно-коричневыми обоями, которые кое-где отслаивались от стены. Плотные шторы на узких окнах и скрипучая кровать. Матрас знавал лучшие времена, однако Мила удивительно хорошо выспалась. Хотя комната явно нуждалась в ремонте, она была уютной и, самое важное, чистой. Рядом с кроватью стояли буковый комод, украшенный резьбой, и столик. Из комнаты можно было пройти в крошечную ванную. Здесь было все, что нужно.

Неплохой отель в Старом городе с прекрасным видом на пражские крыши. Другие здания не заслоняли их.

Поначалу она хотела задержаться здесь на две недели или даже дольше. Было сложно сказать точнее, потому что она не знала, когда ей удастся реализовать свой замысел – и удастся ли вообще. И конечно, все зависело от того, насколько хватит ее сбережений.

Лежа на кровати, Мила повернулась на бок, и ее взгляд скользнул по фотографии, лежавшей на столике. Она нашла место, которое было на ней изображено, но не девочку. Нет – эти воспоминания оставались где-то далеко.

Прежде чем выбраться из кровати, она проглотила комок в горле и попыталась подбодрить себя. Сейчас ей так важно было собраться с силами.

Она проспала уже полдня. Усталость от путешествия вместе с событиями прошедшей недели, смертью матери и всеми последовавшими за этим тяжелыми

решениями пропитала ее насквозь. И все-таки она не хотела больше лежать, впустую теряя время. Не для этого она сюда приехала. Нет, она должна, наконец, заняться поиском ответов.

Долгий горячий душ – вот что сейчас ей было нужно.

Она сбросила на пол одежду, которую носила со вчерашнего дня. Затем скрылась в ванной – в такой же тесной и по-спартански обставленной, как и остальной номер. Душевая кабина была маленькой, но Мила поместилась внутри. Она с усилием крутила заржавевший кран, пока вода не брызнула ей на кожу. Это оказалось очень приятно – согреться, смыть с себя пыль и грязь, казалось, что на какое-то мгновение поток воды словно уносил все заботы с собой. Ее длинные темно-каштановые волосы потяжелели от воды, стекавшей по плечам.

Мила помылась, отогнав все мысли, медленно повращала головой, помассировала шею. Она мылась до тех пор, пока напор в кране не начал слабеть, а вода не стала прохладной. Тогда она с тяжелым сердцем закрыла кран. Отодвинув в сторону шторку с цветочным узором, она взяла одно из сложенных стопкой полотенец. Стоя перед раковиной, подняла руку и протерла ладонью зеркало, чтобы посмотреть на себя. Светлая, ровная кожа, максимум пять или шесть веснушек на носу и изящные, тонкие, но с приятной пухлостью губы, которые слишком редко улыбались. Большие каре-зеленые глаза, обрамленные черными как смоль ресницами, чересчур похожими на мамины.

Иногда Миле отчаянно хотелось, чтобы другие могли видеть все те шрамы, всю ту боль, что она носила в себе.

После душа Мила перекусила в баре внизу и долго изучала путеводитель, хотя на самом деле уже давно знала его наизусть.

Ей нужна была улица Йиловска – там она рассчитывала что-то узнать. Улица, насколько Миле было известно, находилась в четвертом районе Праги. Если верить городской карте, там находился жилой квартал, сама же Йиловска была

довольно длинной. Может, мама жила там, а может, знала кого-то оттуда? И какова вероятность, что, если это так, тот человек все еще живет там спустя столько лет?

Уже наступил ранний вечер, и у Милы так сильно урчало в животе, что она собралась с духом и решила отправиться на поиски ресторана. Весь день она строила планы, но не смогла набраться смелости, чтобы посетить то место, ради которого сюда приехала.

«Завтра», – пообещала она самой себе, заплетая волосы в свободную толстую косу, опускающуюся на правое плечо. Она сменила джинсы на черные, чуть прозрачные колготки, а потом надела темно-красное платье из плотной мягкой ткани. Оно доходило ей до колен. С тонкими бретельками, простое, в некотором роде изящное – ее любимое платье. Поверх она надела черное пальто. Обула доходящие до щиколотки сапожки без каблука, прихватила сумку. Мила никогда особо не любила надевать обувь на высоком каблуке, а сейчас ей к тому же предстояло расхаживать по булыжным мостовым. Напоследок она взяла фотографию, убрала ее в сумочку и вышла из отеля.

Солнце только что село, и Мила снова вспомнила о том, как приезжала сюда утром. Как она встречала восход, глядя в туман, как ее охватило странное чувство. И теперь, когда она шла от отеля в сторону моста и солнечные лучи уже не освещали город, она задумывалась о том, на что может решиться человек в промежутке от восхода до заката. Между двумя моментами, которые так сильно отличаются друг от друга и при этом одинаково прекрасны. Миле нравились и закаты, и восходы.

С наступлением вечера стало прохладно. Немногочисленные кучевые облака проплывали по небосводу – казалось, будто они вывалялись в банке с краской и теперь оставляли след на небе.

Как и утром, Мила прошла мимо Мостовой башни, а затем почти до середины моста. В общем-то, она не планировала снова приходить сюда. Но теперь она подумала, что надо найти на Малой Стране ресторан и попутно больше узнать о части города, находившейся на той стороне реки.

Почти что укоряя себя за это, Мила остановилась, чувствуя, как колотится сердце, снова достала фотографию и стала поворачивать ее так и эдак,

сравнивая рисунок камней на фотографии с мостовой у нее под ногами. Но ничего не произошло. Расстроенная, Мила подавила возглас разочарования, глубоко вздохнула, стиснула губы и устояла перед искушением разорвать фотографию на мелкие кусочки и выбросить во Влтаву.

Чего она ждала? Чуда? Того, что случится что-то магическое и необычное и ей в одно мгновение преподнесут все ответы? Нет. Таких чудес не бывает. В этом мире нет ничего магического. «И это ты говоришь», – укорила она себя и тут же отогнала эти мысли прочь.

Мила проглотила ком в горле.

Она осторожно переложила маленькую фотографию в свой кошелек, а его убрала в сумку. Лучше хранить ее там. Затем она разочарованно повесила сумку на плечо, сунула руки в карманы пальто и хотела уже направиться дальше, но вдруг услышала шепот вдохновения. Люди замерли или замедлили шаг – Мила не понимала, в чем дело. Затем она заметила что-то уголком глаза и повернулась в этом направлении. Любопытство всегда было ей свойственно.

Фонари загорались один за другим, окутывая мост теплым светом, создавая особенную атмосферу. Чудесную, живую и таинственную. В старых фонарях замерцали огни, и Мила, зачарованно улыбнувшись, зашагала дальше. Темнота шаг за шагом наползала на город. Безжалостно и беззвучно она заставляла день отступить, требуя все больше места для себя. Дома окрасились в цвет сепии, краски блекли и ускользали. Желтый свет газовых фонарей словно проникал из другого времени и погружал Прагу в вечность.

«Я найду свои ответы и раскрою все тайны», – мысленно поклялась Мила. В этот момент, идя по Карлову мосту, она дала себе обещание. Она покинет Прагу только тогда, когда исполнит это обещание. Или когда у нее не останется другого выхода, кроме как от него отказаться.

Ее подошвы стучали по каменной мостовой. Скрестив руки на груди, Мила шагала вперед. Наконец она дошла до Малой Страны. Здесь тоже уже повсюду зажглись фонари, освещавшие улицы и старинные дома. Люди разговаривали, смеялись, проходили мимо Милы, держась за руки или взяв друг друга под руку, – некоторые из них медленно, другие торопливо. Ее порадовало, что среди них не оказалось ни одного Серого. Многие годы она боялась выходить из дома –

слишком часто у нее возникало тщетное желание спасти Серого, обычно их вид действовал на нее подавляюще. Она слишком долго ухаживала за своей матерью – и все-таки недостаточно долго.

Почти сразу за Карловым мостом она повернула налево. Ей нравилась вечерняя прогулка, все, что она видела вокруг, свежий воздух. Мила осматривалась по сторонам, изучая архитектуру этой части города, то, как улочки, стены и дорожки складываются в единое целое, в чудесную картину.

В отеле ей сказали, что где-нибудь здесь она точно найдет ресторан. Но Мила не хотела бесцельно бродить по округе, так что она заранее выбрала один в путеводителе. Из этого ресторана должен открываться прекрасный вид на вечернюю Прагу.

Шагая вдоль Влтавы, Мила не сразу заметила, что, погрузившись в размышления, свернула не туда. Слева от нее был парк – она уже видела его на карте города. А ресторан остался с другой стороны.

Был вечер, уже стемнело. Мила не боялась темноты, но относилась к ней с уважением. Вот почему она не решалась идти через парк. Да, так она могла бы срезать дорогу. Она не хотела возвращаться назад, она уже устала и проголодалась, ей хотелось добраться до ресторана как можно быстрее. Поэтому она остановилась и осмотрелась по сторонам – но рядом почти никого не было видно. Пара человек чуть дальше, мужчина на другой стороне большого луга, возможно, еще одна женщина.

Внутренний голос спросил Милу: а что вообще может случиться? Но рядом с ним зазвучал другой, который с насмешкой ответил: все. И все же она подняла подбородок, запахнула пальто и вошла в парк. Песчаная дорожка негромко скрипела под ногами, деревья отбрасывали огромные тени, которые превращались в живые лица и жуткие гримасы, когда вечерний ветерок шевелил листья. Мила не хотела пугаться, но не всегда все выходит так, как хочешь. Внезапно ее настигло необычное ощущение – своего рода предчувствие. Поежившись, она обхватила себя за плечи, пытаясь прогнать его, и подавила желание немедленно вернуться. Тут же она спросила себя, почему не решила пойти более долгим, но безопасным путем. Ее дыхание заглушало все остальные звуки. Оно бесконечно громко отдавалось в ушах. Ее сердце забилось быстрее, а по затылку пробежали мурашки. Миле показалось, будто на нее смотрят, но, как ни старалась, не могла никого разглядеть.

«Идти дальше или вернуться?» – промелькнула мысль. Мила все ускоряла шаг. Пройдя еще несколько метров, она резко остановилась. Она точно должна повернуть назад! Она не знала, где кончается парк, а с подобным предчувствием идти дальше безрассудно. Она сосредоточилась на том, чтобы дышать медленно и размеренно. Пока не успокоилась настолько, что стала различать тихие голоса, раздававшиеся вдалеке.

Здесь никого не было.

В последний раз она глубоко вдохнула и заставила себя двинуться назад, но не побежать и не видеть опасность в каждой тени. Но потом… Мила резко обернулась. Все ее мышцы напряглись, щеки пылали.

Ей нужно немедленно убираться отсюда.

Все ее сознание поглотила одна мысль.

Беги, Милена!

Внезапно перед ней появилась выпрыгнувшая из тени человеческая фигура. Незнакомец схватил ее сумку. Мила увидела его в момент, когда было уже слишком поздно. Пытаясь вдохнуть, она открыла рот, не в силах издать ни звука, и застыла перед ним. Ее ноги словно вросли в землю, она не могла сдвинуться с места. Крепко вцепившись в ее руку, незнакомец потянул ее вперед. Наконец Мила сбросила с себя оцепенение и начала сопротивляться.

У нее в голове была только одна мысль: только не сумка! В ней лежала фотография. Деньги и паспорт ее не волновали. Но фото…

Мила стиснула зубы, напрягла все мышцы и изо всех сил пыталась не поддаться. Ни вору, ни страху.

Мужчина был чуть выше ее. Он натянул шапку на лицо, так что Мила могла разглядеть лишь высокие скулы и весьма выразительный нос. Фигура у него была жилистая, скорее тщедушная, чем мускулистая, но этого Мила почти не заметила, потому что он был достаточно силен, чтобы ей приходилось бороться изо всех сил.

– Дай сюда! – рявкнул он, но Мила лишь замотала головой. Он снова и снова пытался выдернуть сумку у нее из рук. Незнакомец двигался неуклюже, словно в панике. Миле удалось высвободить руку из его хватки. Вор гулко, злобно зарычал. Вместо того чтобы и дальше пытаться выдернуть сумку, он шагнул вперед и изо всей силы ударил Милу в плечо, так что ей пришлось опустить сумку на землю. Девушка упала на колени. Она хотела закричать, обругать его, но не смогла вспомнить ни единого чешского слова. В ее плече билась такая сильная боль, что стало трудно дышать.

Она не боялась боли, она боялась потерять фото. Оба чувства неожиданно смешались у нее внутри, пульсируя и превращаясь во что-то, что согревало ее изнутри и заставляло действовать.

Тепло, которое на самом деле было холодным, как лед.

Мила повернула голову и посмотрела в лицо незнакомца, собираясь плюнуть в него, но тут она увидела нож. Вор подошел ближе. Рядом не оказалось никого, кто мог бы ей помочь. Она попыталась закричать, но осеклась, когда он поднес нож к самому ее носу.

– Дай мне сумку, уродина! – крикнул он, и в этот момент тепло, скопившееся внутри Милы, словно взорвалось и вырвалось наружу из ее тела, будто жидкая лава. Незнакомец резким движением вырвал сумку у нее из рук – рывок отозвался во всем теле. Мила медленно поднималась на ноги, не отрывая взгляда от лезвия ножа, дрожавшего у ее лица.

Что-то изменилось.

Она схватила незнакомца за запястье. Не задумываясь, быстрым и точным движением. Она крепко держала его, сжимая пальцы. Дрожь исчезла. Краешком сознания Мила ощутила это изменение и внезапно подумала:

«Вот бы он убежал».

Ее взгляд скользнул по вору. Заглянув в его глаза, она увидела, как злость и надменность превращаются в них в чувство, которое она до этого ощутила в самой себе: страх. Мила хотела выпустить его запястье. Вор, не переставая,

дергал рукой, пытаясь высвободиться, но ничего не выходило. Мила без труда удерживала его, сжимая пальцы все сильнее. Наконец сумка с глухим стуком упала на землю, перепачкавшись в пыли и грязи. Незнакомец пытался вырваться. Он уже выпустил нож, но Мила по-прежнему не могла пошевелиться.

Ей было ужасно жарко.

Она пристально смотрела на него, боролась с ним и с собой. И вдруг мужчина, стоявший перед ней, стал серым… Серым.

Внезапно ее пальцы расслабились, она качнулась назад, и вор тут же убежал – без сумки, но с немым криком на губах.

Мила стояла неподвижно, слушая, как шумно бьется сердце – словно кто-то в монотонном ритме колотит кулаком по толстой двери. Ее пальцы разжались, руки ослабели и безвольно повисли вдоль тела, которое начала бить дрожь.

Ей было холодно. Ужасно холодно. Осознав это, она с трудом сглотнула и нахмурилась. Мысли метались. Только что все было совсем иначе. Что произошло?

Холод пробирал все ее тело. Она пошатнулась и опустилась на землю. Какая-то птица звала своего спутника, и ее тихое, одинокое чириканье заполнило ночь. Милу окружила темнота.

Кажется, она простояла на коленях посреди парка половину вечности. Мила точно не знала, как долго. Она смотрела вслед незнакомцу, который был уже далеко, она ждала, пока ее тело перестанет дрожать и снова начнет подчиняться ей.

– Это шок… просто шок. Все в порядке, – прошептала Мила, наконец собравшись с силами, чтобы встать. С третьей попытки у нее получилось. Ноги словно онемели и казались тяжелыми. Она поспешно подошла к сумке, схватила ее и проверила, на месте ли кошелек и в нем ли фотография. Когда пальцы наткнулись на нее, Мила облегченно вздохнула.

Охотнее всего она свернулась бы клубком, оставшись тут до утра. Но этой слабости она себе не позволит.

Не здесь и не сейчас.

Плечо болело. Осмотрев себя, она тяжело вздохнула. Колготки порвались и пришли в полную негодность, как и обувь, и подол пальто. Нужно убираться отсюда. Прижав сумку к груди, она пошла обратно. Один шаг, другой, а потом она резко обернулась – и увидела незнакомца.

На этот раз Мила по-настоящему закричала. Она испугалась так сильно, что чуть не уронила сумку, и, спотыкаясь, отступила назад. Это было чересчур. Все это было уже чересчур.

Хаос охватывал ее мысли – потрясение, страх и упрямство смешивались друг с другом, и ей казалось, что мышцы вот-вот сведет судорогой.

Большие, теплые руки схватили ее, крепко сжали и помогли устоять. Неожиданно приятный голос произнес:

– Не бойся.

Мила рискнула поднять голову и посмотреть на этого человека. – У тебя все в порядке?

Лицо ее собеседника было полностью скрыто тенями, но его присутствие странным образом успокаивало. Она глубоко вдохнула и кроме свежего воздуха ощутила еще один запах. Запах, которого она не знала, которого никогда раньше не чувствовала.

«Если бы у тепла был запах, – подумала она, – таким бы он и был».

Мила была слишком слаба, чтобы бороться или убежать, и к тому же не знала, какой из двух вариантов окажется более правильным. Поэтому она просто смотрела в лицо второго за сегодняшний вечер незнакомца. Усталость потянулась у нее внутри, как кошка, ей больше всего на свете хотелось свернуться клубком. Адреналин схлынул, она полностью израсходовала его, и в

ее голове воцарилась абсолютная пустота. Только сумка… Сумку она не отдаст.

– Все в порядке? – снова спросил голос, и Мила только сейчас осознала, что незнакомец держит ее за руки. Его теплые ладони держали ее крепко, но не слишком. И все-таки Мила отодвинулась, потому что от его ладоней исходило какое-то странное ощущение. Словно статический заряд. По коже пробегали мурашки – особенно по пострадавшему плечу.

Попытавшись произнести что-то пересохшим ртом, Мила откашлялась и наконец ощутила, что в состоянии ответить. По меньшей мере, ей так показалось. Она шевельнула губами, пытаясь сказать «да». «Да, у меня все в порядке». Но у нее ничего не получилось. Это была бы ложь. Поэтому она молчала, стиснув зубы, и спрашивала себя, нормально ли будет, если она просто оставит его тут стоять и уйдет. Она просто хочет оказаться подальше отсюда.

– Можно, я тебя немного провожу?

Мила едва не рассмеялась. Еще один вопрос, на который она не может ответить. Вопрос, ответ на который одновременно «да» и «нет». Можно ли ему? Конечно, кто ему запретит. Хочет ли она этого? Честно говоря, нет. Она хотела остаться одна. Но, если отвечать еще честнее, одиночество – последнее, чего она хотела.

Так что она только кивнула – и он принял ее согласие.

Они молча вышли из парка, по пути им встретилась пара человек. Постепенно Мила дышала все свободнее. Только когда они уже подходили к мосту, Мила рискнула повнимательнее рассмотреть своего спутника. Он был примерно на полголовы выше ее и излучал уверенность в себе. Он казался одновременно спокойным и внимательным. Утонченные, округлые черты лица – никаких резких линий; очень острый нос и чуть заостренный подбородок. Наиболее примечательной приметой его внешности были волосы – почти белоснежные. Ему это шло. Наверное, ему было около двадцати пяти лет, не меньше. Продолжив рассматривать его дальше, она едва смогла скрыть удивление. Белая рубашка, светлые брюки, светлые ботинки. Он почти что светился в темноте.

– Мне покрутиться перед тобой? Чтобы ты меня рассмотрела со всех сторон?

Услышав эти слова, она вздрогнула: они застали ее врасплох.

– Спасибо. Но в этом нет необходимости, – ответила Мила.

Он посмотрел на нее. Светло-карие глаза, если ей не показалось. Почему-то она этого не ожидала. Он слегка улыбнулся, словно мог расслышать ее мысли.

– Кстати, меня зовут Мила. – Она снова посмотрела вперед. Они как раз дошли до Карлова моста. – Спасибо, что захотел мне помочь… помог мне.

– Не за что.

Мила застыла на месте.

– Дальше я и сама дойду.

Это была полуправда. Хотя его присутствие придавало ей уверенности, оно в то же время заставляло Милу нервничать. После попытки нападения ей не хотелось, чтобы незнакомец узнал, где она остановилась.

– Будь осторожна, – с серьезным видом сказал он.

Мила попыталась изобразить улыбку, кивнула и двинулась вперед. Только пройдя несколько шагов, она осознала, насколько невежливо себя повела.

Его имя. Она так и не спросила, как его зовут.

Застыв на месте, Мила обернулась.

– Простите, я…

Но его там уже не было.

Ашер

Огонь горел в камине, распространяя вокруг уютное тепло. Яркие языки пламени, облизывая камни, тянулись вверх. Мерцающий свет и потрескивание горящих дров успокаивали Ашера. Держа в руке бокал красного вина – который был украден из подвала у Цето, – он откинулся назад в большом, старом и удобном кресле. Он элегантно закинул ногу на ногу. Вокруг него в такт колебаниям пламени танцевали тени. Пахло дымом и пеплом: Ашеру нравился этот запах.

Вино в его руке казалось чем-то особенным – не только потому, что оно было весьма примечательного урожая, но и потому, что Цето всегда добавлял в вино какие-то особые пряности. Насыщенный вкус, но при этом приятный и мягкий.

Ашер улыбнулся, поднес бокал ко рту и сделал глоток. Цето явно подпалил бы ему пятую точку – буквально – или подложил бы ядовитую змею в кровать, как в прошлый раз, как только он заметил бы пропажу этой бутылки. Это его любимое вино. Выводить Цето из себя было одним из любимых занятий Ашера.

Пока Ашер наслаждался этими мыслями в той же степени, что и вином, дверь в его покои внезапно отворилась.

Ашер слишком часто поминал Цето.

– Когда-нибудь я отравлю свое вино, только чтобы увидеть, как ты медленно и мучительно задыхаешься, – донесся голос от дверей.

– Твоя тщательно скрываемая улыбка доказывает, что твои слова лгут. Мне мерещится или я вижу ямочку на щеке? – Ашер показал куда-то в сторону лица Цето. – Мы оба знаем, что тебе будет меня не хватать.

– Скотина!

– Сам такой. – Ашер, самодовольно улыбаясь, поднял бокал, приветствуя гостя. Тот скрестил руки на груди и раздраженно закатил глаза.

– Когда украдешь что-нибудь в следующий раз, не оставляй на месте преступления этих двух слюнявых созданий, – выругался Цето, а затем отступил в сторону, освобождая дорогу еще двоим.

Ашер негромко вздохнул и наморщил нос. Пан и Мим. Кажется, он забыл эту парочку в подвале.

– Похоже, я старею.

– В первую очередь ты с каждым столетием становишься более невыносимым и надоедливым.

– Присядь. – Ашер показал рукой налево от себя, где из ничего тут же возникло кресло. – Не хочешь глоток вина? Настоящий деликатес!

Закрыв за собой дверь, Цето прищурился, а затем подошел к Ашеру.

– Не заходи слишком далеко, братец.

Ашер, возможно, принял бы его угрозу всерьез, если бы рядом не оказались Мим и Пан. Но он лишь громко рассмеялся, глядя, как оба крутятся у Цето под ногами. Тот потерял равновесие и наконец плюхнулся в кресло по соседству с братом. Ашер был вынужден признать, что уже привык к этим двум круглым меховым созданиям, которых сотворил только в прошлом году. Они выглядели как головы на четырех ногах, покрытые совершенно черным мехом, с маленькими ушками и огромными глазами, которые казались почти что милыми, и узким ртом, из которого постоянно текла слюна. Тут явно что-то пошло не так – особенно с лапками, которые были едва заметны.

«По крайней мере, они несовершенны только в этом состоянии», – сказал себе Ашер. Он наклонился вперед и погладил Мим. От ее меха поднимался тонкий черный дым, который тут же исчезал. Издав смесь урчания и рычания, она тут же принялась слюнявить итальянский ботинок Ашера, и ему пришлось отодвинуть ногу. Тьфу. Хотя он, будучи Вечным, мог создавать вещи из ничего, ему нравилось то и дело приобретать что-нибудь обычным человеческим путем, ходить в магазины или шататься по рынкам. Эти ботинки стоили целое состояние.

– Черт побери, Мим! Может, мы придем к какой-нибудь договоренности насчет всей этой слюны и слизи?

Маленький меховой клубок скривил пасть, грустно посмотрел на него и прогнусавил что-то невнятное. Мим не умела произносить членораздельные слова. Одного взгляда на Цето было достаточно, чтобы понять, что он явно желает ему худшего. Пан забрался ему на голову и уселся, вытянув короткие ножки перед собой, и радостно улыбнулся. Насколько это позволяла ему пасть. Длинный язык свешивался наружу, мех дымился, зверек довольно урчал. Нитка слюны грозила через несколько секунд упасть на волосы Цето.

– Неужели ты не можешь воспитать их обоих?

– Это безнадежно. Сам не хочешь попробовать? – Ашер налил бокал вина и протянул его Цето.

– Даже не думай. Я еще не настолько устал от жизни.

– Верно. И при этом необычайно мудро.

Они подняли бокалы друг за друга.

Ашер был единственным, от кого Мим и Пан могли терпеть упреки, наказания или приказы. Он создал их.

Из золотой вечности – или, как ее еще называли, из эфира. Из энергии, которая пронизывала этот мир и весь остальной универсум. Которая была внутренне присуща Вечным. И еще из пепла, дыма, огня, частицы самого себя и особой добавки, которую он добыл много столетий назад. Они были уникальны, и никто не знал, можно ли их на самом деле считать тем, чем они казались. Это оказалось сложное заклинание, но у него получилось – Мим и Пан стали тому доказательством. Ну, по крайней мере, если знать, на что они способны. В прошлый раз, когда Цето попытался их отчитать, пробудилась их исконная сущность, и это встревожило даже самого Ашера.

Существовал только один способ убить Вечного навсегда и необратимо, неважно, стоял ли он на стороне света или на стороне тьмы. И это было оружие,

выкованное из эфира. Только немногие были способны его создать.

Мим и Пан были таким оружием.

Их зубы были словно отравлены. Нанесенные ими раны не исцелились бы сразу у Вечных – на это ушло бы время, а при серьезной травме… они могли оказаться смертельными. Жить вечно не значит быть бессмертным. Они не были бессмертными в подлинном смысле слова.

– Ну так что привело тебя сюда? Кроме вина и этих двух слюнявых комков шерсти?

Пан, сидевший на голове Цето, засопел, нитка слюны наконец достигла его волос. Цето поморщился, отпил глоток вина и подавил желание тряхнуть головой – так он разбудил бы зловредное создание.

– Мои темные лазутчики, – заговорил он серьезно и тихо, наблюдая за тем, как пламя в камине лижет остатки дерева. Сегодня они роятся вокруг меня, как лемминги.

– Такое часто случается, в этом нет ничего особенного, – Ашер пожал плечами, но Цето повернул голову, насколько это было возможно, и пристально посмотрел на брата.

– Верно. Но в этот раз случилось кое-что новое, и я хочу об этом тебе рассказать.

– И в чем же дело?

– Тариэль, – коротко сказал Цето, и Ашер тут же оцепенел.

В то же мгновение еще не прогоревший огонь почти потух, превратившись в жалкий язычок пламени. Ашер снова вдохнул в него жизнь. Он сделал глубокий вдох, и пламя резко вспыхнуло, взметнулось вверх, чуть не охватив камин, а затем вернулось к своему прежнему размеру. Испугавшись, Мим покрепче прижалась к ноге Ашера. Он наклонился вперед, чтобы поставить бокал на столик. По нему было видно, что он крепко о чем-то задумался. Тени в комнате стали темнее, воздух – холоднее, тепло, исходившее от пламени, было

бессильно против энергии Ашера, которую он сам с трудом контролировал.

– Интересно.

– Ничего не хочешь добавить?

– Где его заметили?

– В Праге.

Ашер сухо рассмеялся.

– Столько столетий он держался скрытно, защищался своей энергией, что можно было даже предположить, что он спрятался. И что теперь? Он снова появляется, вот так вот запросто, без защиты, не пытаясь замаскироваться, и показывается в человеческом мире? Удивительно, не так ли? – размышлял он вслух.

– Не хочешь отомстить?

– Месть, – хрипло прошептал Ашер с отсутствующим видом. – Я уже, насколько это было возможно, примирился со случившимся. Не то что я и правда готов был его простить… – Он на мгновение задумался. – Месть. Я и правда думал, что выше этого. Полезно узнать, что я могу ошибаться.

Размышления и воспоминания о прошедших днях грозили захватить его, пробудив ту всепоглощающую ярость, которую когда-то в нем пробуждал Тариэль. От которой он так и не избавился.

Покачав головой, он расстегнул пиджак и снял его, а затем аккуратно положил его на подлокотник и снова откинулся назад. Мим хотела было запрыгнуть ему на колени, но у нее получилось только с третьей попытки. Она от души зевнула, а затем свернулась клубком.

– Итак, ты хочешь отомстить, – произнес Цето. – Почему же Светлый Вечный был так неосторожен?

– Тариэль не стал бы рисковать просто так, выдавая свое присутствие Темным.

– Человеку.

– Что?

– Он явился какой-то женщине.

– А это превращает просто интересную информацию в совершенно исключительную. С какой стати Тариэль явился смертной? Он всегда боялся нарушений равновесия, аномалий и вмешательств любого рода. С чего же он пошел на такой риск? И почему именно сейчас?

– Не знаю, – пришлось признаться Цето.

Глядя в огонь, Ашер позволил своим мыслям блуждать. Он не мог увидеть никакой взаимосвязи.

– Что ты задумал?

Рот Ашера скривился.

– Думаю, мне предстоит путешествие.

Ночь была ясной. Казалось, будто они сидят в засаде, наблюдая за тем, что происходит под небосводом, а полная луна светила им, как фонарь.

Вид отсюда сверху был превосходный. Прага всегда оказывалась в числе любимых городов Ашера. Ему нравилось это необычное, наполненное красотой место – со своим очарованием и характером. Неидеальной, но чистой, первозданной красотой, которая проявлялась, несмотря на острые углы и резкие очертания. Прага была из тех мест, где энергетические потоки особенно чувствовались, пульсировали под городом сильно и отчетливо, как вены, ведущие к сердцу.

Держа руки в карманах, Ашер непринужденно прислонился плечом к дымовой трубе на одной из крыш и посмотрел сверху вниз, на Влтаву. Он уже пытался выследить Тариэля. Пока что безрезультатно. Лазутчики Цето тоже ничего не видели, хотя они сидели в каждом темном углу и могли видеть все. Это были тени города, тени любого предмета, тени в каждом углу. Они пробуждались к жизни и подчинялись приказам Цето. В смертном мире они становились его глазами и ушами.

Может, этот трус спрятался снова? Нет, в это он не верил. В этом не было бы никакого смысла. Впрочем, разве в других его поступках он был? Но, как обычно, как бы Ашер ни ломал голову, он не находил никакого объяснения тому, почему Тариэль решил появиться именно сейчас. И более того, показаться человеку. Тариэль не является людям. Никогда. Потому что он так сильно переживал за этот мир, за вселенную и за хрупкое равновесие, что всегда держался от людей на расстоянии. Он не участвовал в жизни смертного мира, а лишь наблюдал за ним, живя в сфере света, как отшельник.

Когда-то все было иначе.

Вспомнив о прошлом, Ашер стиснул зубы так сильно, что они скрипнули. Может, Тариэль потому и спрятался. Он больше не ненавидел Тариэля за случившееся. Ненависть была слишком сильным словом, слишком сильным чувством, а он ничего подобного не испытывал. Крайности, неважно какой природы, были опасны. Но он хотел, чтобы Тариэль искупил то, что совершил.

Ашер пробудил свою силу, воззвал к ней и позволил ей течь сквозь него. Она разрасталась, и вот его зрение стало невероятно острым, он все полнее осознавал, что его окружало. Теперь он мог без усилий различить энергию, которая четкими линиями охватывала всю планету.

– Где же ты прячешься? – прошептал Ашер в темноту, скользя взглядом по ночному городу.

Улица за улицей, переулок за переулком. Уже решив, что на сегодня поисков хватит, он вдруг замер. Улыбка расползлась по его лицу, а все тело расслабилось. Ашер начал медленно отводить свою энергию, снова успокаивать ее и брать под контроль.

– Привет, Тариэль. Старый приятель. – Последние слова сочились сарказмом, и его ухмылка стала еще шире. – Что же ты задумал?

Он это выяснит. Любопытство – его главная страсть, и он слишком сильно наслаждался им, чтобы себя сдерживать.

Вынув руки из карманов, Ашер оторвался от трубы и отряхнул пыль с пиджака. Медленно провел рукой по своей короткой бородке. Прошелся до края крыши. Всего парой улиц дальше он обнаружил Тариэля, который неподвижно стоял на углу, скрестив руки и прислонившись к стене. Хорошо защищенный.

Коротким движением расправив плечи, Ашер призвал крылья. Частицу за частицей, атом за атомом материализовывались, образуя перья, кости и мышцы. Из ничего возникали дым и золото, которые превращались в абсолютно черное оперение невероятного размаха. Он использовал материю вокруг себя, ту, что связывала мир, и переделывал ее по собственному желанию.

Его спина отчетливо ощущала вес крыльев. Нижние перья затрепетали на ветру, когда Ашер элегантно поднял крылья, расправил их и шагнул с края крыши. Мощным взмахом он взмыл над землей, набрал высоту, еще раз взмахнул крыльями и полетел в сторону Тариэля.

На таком небольшом расстоянии он мог бы с тем же успехом телепортироваться. Но он слишком наслаждался полетом, чтобы так поступить, – наслаждался ветром, свободой, ощущением счастья, которое пронизывало его. Поэтому он использовал любой повод полетать. Кроме того, он был, может, и старым, но не идиотом. Со временем все больше и больше узнаешь о себе и о своих способностях. Телепортация была удобной, но все же стоила энергии. Если бы он телепортировался без усилительного поля или портала, в исходной точке пришлось бы оставить частицу себя. Потом она стремилась бы вернуться, притягиваясь к нему как магнитом. И чем дальше, тем дольше он не обладал бы своей силой в полной мере. И чем чаще телепортируешься подобным образом, тем больше вероятность стать легкой мишенью.

Ашер пролетел по дуге, приземлился на крышу над Тариэлем и подошел ближе, чтобы не выпускать его из виду. Совершенно беззвучно он продвинулся вперед, позволил крыльям раствориться в воздухе и попытался понять, чем именно занят Тариэль. Он стоял внизу совершенно неподвижно. Ашер проследил за его

взглядом. Похоже, он наблюдал за чем-то на другой стороне улицы. Но за чем? За людьми?

Как скучно! Нет, тогда давайте лучше…

Телепортироваться на несколько метров, с крыши, чтобы оказаться прямо перед Тариэлем, не было для него проблемой. Так что не прошло и пары секунд, как Ашер полностью материализовался. Ему не пришлось окружать себя защитным полем, потому что люди были слепы, даже если смотрели вокруг широко открытыми глазами. Они примут эту картину за мираж, за ночной обман зрения или вообще ничего не заметят, потому что она исчезнет слишком быстро.

Ожидая реакции Тариэля, Ашер поправил костюм.

– Ашер, ты мог бы спокойно помахать мне сверху, – произнес Тариэль, не оборачиваясь. Его голос звучал грубо, недружелюбно, но Тариэль не повышал тона.

Ашер подавил смешок. Насколько он не выносил Тариэля, настолько же он наслаждался возможностью вывести его из себя. Этого прошедшие столетия, похоже, не изменили.

– Ага, мог бы. Мне, пожалуй, стоило бы поучиться у тебя манерам. – Он произнес это дружелюбно, но в его голосе прозвучала какая-то странная интонация, словно блеснуло острие ножа, которым он хотел не столько поранить, сколько спровоцировать своего собеседника. Ашер не планировал быстро убивать Тариэля. Сначала ему нужна была информация. А может, он даже немного поиграет с ним после этого, пока страх и отчаяние не уничтожат его.

Тариэль оторвался от стены, повернулся и пристально посмотрел на Ашера. Внезапно тот с возмущением осознал, что это доставило ему известное удовлетворение. Даже если он не узнает, что затеял Тариэль, то явно получит удовольствие от этой неожиданной встречи.

– Что тебе здесь нужно? Как ты меня нашел, я тебя даже не спрашиваю. – Он понял, что тени ожили и могут за ним наблюдать, когда они стали недостаточно быстро убегать при его приближении.

– Захотелось навестить старого друга.

Против этого аргумента ему вряд ли найдется что-то возразить. Тариэль был, пожалуй, последним, кого Ашер мог бы упрекнуть в непонимании того, что такое дружба. Не его. Никогда. Они были друзьями уже так много лет, несмотря на различия между ними, они вместе поддерживали равновесие, доверяли друг другу. Пока один из них не обнаружил, что доверие может быть разрушено очень быстро – как и дружба. Что они могут причинить друг другу боль и что ничего вечного на самом деле нет.

Ашер поднял подбородок, хотя он и так был выше Тариэля, самодовольно усмехнулся и встал прямо перед ним.

– А теперь я тебя спрошу. Что тебе здесь нужно?

– Тебя это не касается, Темный. Убирайся туда, откуда пришел.

Послышался гул – громкий, глубокий, пугающий и совершенно незаметный для людей. За исключением, быть может, тех, кто был близко к вечности. Контуры Ашера расплывались, превращались в дым, а затем в золотые мерцающие линии. Тариэль слегка вздрогнул, но не отступил. Такой же безрассудный, как обычно.

Несколько секунд спустя Ашер снова успокоился, вернул себе самообладание и взял свою силу под контроль. Не говоря ни слова, он прошел мимо Тариэля, с любопытством заглянул за угол, не заметил ничего, заслуживавшего внимания. Маленькое кафе. Сплошные старые здания. Среди них лишь кафе излучало теплый свет.

– Что бы ты ни задумал, я слежу за тобой.

6

Мила

Первые дни на родине Мила представляла себе иначе. Может, она рассчитывала, что все будет несколько проще, но прежде всего она не ожидала, что ей станет так страшно. Она не предполагала, что вопросов у нее появится еще больше, чем раньше.

Несмотря на все это, она не собиралась сдаваться. Ей больше не хотелось видеть кошмарные сны – ни из-за своего проклятья, ни из-за того, что случилось с матерью. И уж точно не из-за чужака, который хотел украсть ее сумку и стал серым у нее на глазах. Пытаясь прогнать из памяти эту картину, она на мгновение зажмурилась так сильно, что стало больно. Она не могла объяснить, что случилось, но в глубине души понимала – и это ее пугало.

Мила должна разобраться, как узнать все и при этом преодолеть свои страхи. Она хотела бороться, искать и находить.

Но когда Мила пришла на улицу Йиловска и увидела, насколько та длинная, она едва не разревелась от отчаяния. Улица была застроена панельными домами. В Праге их немного, но здесь они выстроились в ряд. Мила не могла даже предположить, сколько человек живет в каждом из них. Шестьдесят, а может, и больше. Если ей повезет, меньше. Было ясно одно: если она возьмется за дело сегодня и позвонит в первую дверь первого дома в начале улицы, ей придется повторять это снова и снова, пока она не найдет ответ. Даже если для этого ей придется пройти улицу до конца, до последней двери последнего дома.

Если бы справочная служба здесь, в Чехии, была хоть чуть-чуть доступнее или давала более подробную информацию, она обратилась бы прямо туда. Но теперь на поиски понадобится много дней.

Мила подняла лицо к небу и закрыла глаза. Солнце согревало ее. Сегодня был прекрасный день.

Держа в руках сумочку с пожелтевшей фотографией матери, она двинулась вперед. Подойдя к первому зданию, Мила решила пройти его снизу вверх. Если в какой-то квартире никто не откроет, она вернется на следующий день и попробует снова.

Прежде чем позвонить в первую дверь, Мила расстегнула куртку. Она вспотела, вероятно, больше от волнения, чем от жары. Пальцы слегка дрожали при

нажатии на маленькую кнопку домофона. Мила вздрогнула, когда послышалось жужжание и входная дверь открылась. Дверь одной из квартир на первом этаже открылась. В проеме показалась какая-то женщина.

– Dobr? den! – доброжелательно поприветствовала ее Мила и подошла ближе. – Простите за беспокойство, но не знаете ли вы случайно эту женщину? – Мила показала ей мамино фото. – Возможно, она жила в этом доме или где-то неподалеку примерно двенадцать лет назад, или у нее были здесь друзья. Ее звали Зузана Церник.

Возможно, эта женщина средних лет была слишком молода или жила здесь недавно, а может, мама с Милой вообще жили в другом здании. Так много вариантов.

Незнакомка внимательно всмотрелась в фото, а потом, сжав губы, посмотрела на Милу и покачала головой. «Это только начало», – сказала себе Мила и направилась к следующей двери. Она позвонила, подождала, и, когда ей открыл мужчина средних лет, она поприветствовала его и повторила ему те же слова. Он подозвал свою жену, та тоже взглянула на фотографию, но ни он, ни она не знали маму Милы. В следующей квартире ей открыла симпатичная девочка со множеством веснушек и дыркой между передними зубами. Мила сказала ей «привет» – дружелюбно, хотя и с тяжелым сердцем. Девочка была Серой. Такая молодая и такая серая. Мила прерывисто вздохнула. За время своего поиска ей предстоит встретить стольких Серых. В этом она была уверена. И этого ей не хотелось. Больше никогда. Она не хотела видеть их. Знать, что случится ужасное, и не иметь возможности что-то изменить – настоящее проклятье.

Проклятье, которое напоминало ей о том, как важно довести дело до конца. Напоминало ей о цели. Поэтому Мила двигалась дальше, от двери к двери.

Снаружи начался дождь. Несильный, просто легкая морось. В полуостывшем чае, стоявшем перед Милой, плавали кусочки лимона и свежие листики мяты. Сделав большой глоток, она осмотрелась по сторонам. Вечером атмосфера в кафе изменилась. Теперь оно походило на весьма уютный бар, заведение с

собственным характером. Мила нашла это кафе сегодня, отправившись на разведку по Малой Стране.

На недостаток посетителей тут не жаловались, но и переполненным кафе не назовешь. Мила медленно размешивала ложкой чай. Почему-то это монотонное движение успокаивало ее и помогало привести мысли в порядок.

Мила устала, надежда таяла с каждым днем. Снова и снова она приезжала на улицу, название которой записала ее мама, и звонила в двери. Спрашивала, не знают ли жильцы кого-то, не помнят ли ее и не могут ли ей помочь. «Ne, je mi l?to». Это предложение Мила слышала так часто, что слова начали причинять ей боль. «Нет, мне очень жаль», – говорили все эти люди. Или просто качали головой и закрывали дверь у нее перед носом. Иногда равнодушно, иногда с искренним сочувствием.

Так много людей, а ответа не было ни у кого из них. Ни у кого.

Сегодня она решила устроить себе выходной и не пошла туда. Вместо этого она отправилась в библиотеку, в «Narodn? knihovna Ceske republiky»[1 - Национальная библиотека Чешской Республики.], и принялась искать там книги о проклятьях, старые сказания и легенды, в основном чешские, и все, что было связано с серым цветом. Она копалась в архиве, в уставленных книжными шкафами коридорах, но ничего не нашла. Ничего, что хотя бы отдаленно походило на ее проклятье.

Ее мысли невольно перешли от размышлений о поиске ответа к воспоминаниям о ночи в парке – что случалось уже не в первый раз. Она и сейчас с трудом могла поверить, что все кончилось хорошо. Даже боль в плече вскоре исчезла. Физически на ней не осталось никаких следов, но ее сознание не могло отвлечься от размышлений о случившемся. Конечно, это могло произойти где и когда угодно. Не повезти может любому человеку, где бы он ни находился, это совершенно очевидно. Но лучше ей от этого не становилось.

Только сегодня Мила нашла в себе силы выйти за пределы Старого города и снова пересечь мост.

«Трусиха», – упрекнула она себя, хотя толку в этом особого не было. Некоторые страхи приходится преодолевать постепенно, бережно и тщательно отодвигая

их в сторону. Она могла бы честно признаться себе, что причиной ее беспокойства был вовсе не случай на Малой Стране. Нет, ее задело кое-что другое.

Как наяву она вспоминала чувство, охватившее ее той ночью, и жар, который превратился в абсолютный холод, в одно мгновение уничтожив ее страх перед незнакомцем. Это чувство было таким… необычным. Мила нахмурилась. Да, необычным. Ей показалось, будто что-то выросло внутри нее, и внезапно оказалось, что она больше не одна – внутри самой себя. Это нечто будто принадлежало ей и одновременно не принадлежало. Если бы только она могла это описать.

С тех пор что-то изменилось.

Ты сходишь с ума, это звучит как абсолютная чушь!

Слабо покачав головой, она прикусила губу. Но ведь так все и было – или нет? В одно мгновение вор превратился в Серого. Именно так, а до этого он Серым не был, и это значило…

Она коротко покачала головой и с трудом сглотнула. Нет, должно быть какое-то другое объяснение.

Рука Милы застыла, перестав мешать чай в стакане, когда дверь кафе распахнулась и Милу окатил порыв свежего воздуха.

Она посмотрела на новых посетителей и уже хотела отвести взгляд, но это оказалось невозможно. Она сидела, потрясенная, и смотрела – на него и его спутника, – и не могла поверить, что снова встретила его. Не решаясь заговорить с ним, поблагодарить его и спросить, как его зовут, она неподвижно застыла на стуле и только смотрела на него. Его лицо было словно высечено из камня. Здесь, в приглушенном освещении кафе, она могла рассмотреть его лучше, чем в ночной темноте. Волосы у него были светлее, чем ей показалось тогда; короткие и хорошо уложенные. Она отметила, что у него слегка заостренный подбородок. Незнакомец хмурился, и из-за этого его лицо казалось напряженным.

Он не улыбался. На этот раз он был в простых джинсах, свитере, обычных ботинках – ничего белого, не то что той ночью. Мила слегка наклонила голову вбок и, повинуясь внезапному побуждению, подняла руку и приветственно помахала ему, не зная, заметит ли он ее.

И он заметил – она поняла это, потому что он тут же бросил короткий взгляд на своего спутника и подошел к ней. Они оба остановились у ее столика, который теперь показался ей слишком маленьким.

– Привет, – сказал он дружелюбно, но словно с некоторой нерешительностью.

Если бы в этот момент Мила сохранила способность размышлять, ей пришли бы в голову такие слова, как «напряженный», «обеспокоенный» и, может быть, даже «в дурном настроении».

– Привет. – Мила отпила глоток чая, немного отодвинула стул назад и встала.

– Пожалуйста, сиди, мы…

В это мгновение его спутник шагнул вперед, мимо него, и уверенно протянул Миле руку. В отличие от ее спасителя, он улыбался. Он производил совершенно иное впечатление – и выглядел тоже иначе. Только сейчас Мила хорошенько его разглядела.

Он был выше, внушительнее, элегантнее. Выразительные скулы, борода шла ему – она не старила его, а делала его лицо запоминающимся. Было что-то еще, нечто большее… но у нее не получалось сформулировать. Помедлив секунду, она все-таки приняла его руку. Медленно, осторожно. Она коснулась его пальцев, теплых и мягких, и в этот момент он посмотрел прямо на нее своими темными глазами. Она не могла отвести взгляд, и тут же оно вернулось – это ощущение шевельнулось в ней, и с ним вернулось тепло. Мила хотела отдернуть руку, отвести взгляд, но он сжимал ее пальцы крепко, словно не желая выпускать. Он притянул ее ближе к себе, и она заметила, как участилось ее дыхание.

Жар, холод…

– Хватит, – прошипел кто-то весьма сурово, так что Мила чуть не поперхнулась.

Чары спали. Высвободив руку, Мила слегка пошатнулась.

– Прости, это было невежливо. Меня зовут Ашер.

Его голос звучал мягко и одновременно грубо. Льстиво. Кроме того, от Милы не ускользнуло, какие у него внимательные, вопрошающие глаза, как напряженная усмешка сменила дружелюбную улыбку.

– Рад видеть тебя снова, – произнес рядом знакомый голос.

Мила моргнула один раз, потом другой и попыталась заставить себя дышать спокойнее. Расслабиться. У нее нет никаких причин так странно себя чувствовать.

«За исключением этого необычного момента», – подумала она и невольно заинтересовалась, одна ли она это заметила, ощутила это странное чувство. Руку слегка покалывало, словно электричеством. Миле пришлось собраться с силами, чтобы окружающие ничего не заметили. Просто воображение разыгралось, делов-то. Просто воображение. Может, рука онемела. Или он слишком сильно ее сжал. В сознании Милы проносилось множество объяснений, и она неосознанно отбрасывала их одно за другим. Она с трудом сглотнула.

Все в порядке. Ничего особенного.

– Спасибо, – наконец ответила она – слишком тихо и с большим опозданием. Мысленно она лишь покачала головой, вспомнив, как мама слегка закатывала глаза, когда замечала ее невежливость.

– Меня зовут Мила. Не хотите присесть? Столик маловат, но… – предложила она.

– Спасибо, – заговорил ее спаситель, и это начало фразы прозвучало так, будто дальше последует «но…», однако Ашер оказался быстрее.

– Будем очень рады.

Он тут же уселся за столик; Мила, немного помедлив, тоже опустилась на свой стул.

Ее спаситель последовал их примеру, хотя и с меньшим энтузиазмом.

Никто ничего не говорил. Не в силах вынести тишину, Мила взяла слово.

– Спасибо… ну, ты знаешь. Я просто хотела еще раз тебя поблагодарить.

В ответ он лишь кивнул, так что она продолжила, пока Ашер заказывал напитки.

– Тогда я не спросила, как тебя зовут?..

На мгновение повисла тишина, и Миле показалось, что он так и не ответит.

– Тариэль. Меня зовут Тариэль.

«Ашер и Тариэль», – мысленно произнесла она. Очень необычные имена. Старомодные. И при этом по-настоящему особенные. Ей они понравились.

– Спасибо, Тариэль, – повторила она еще раз и улыбнулась.

– Вы и правда уже встречались? Это действительно интересно, – внезапно весело произнес Ашер, пристально глядя на Тариэля. Положив ногу на ногу, он откинулся на спинку стула. – Расскажи, как вы познакомились.

Теперь он смотрел на Милу, словно требуя ответа. А ей почему-то не хотелось ему подчиняться. Держа руки под столом, она на мгновение сжала кулаки, а затем снова расслабила пальцы и опустила плечи.

Мила прищурилась. Они с Ашером некоторое время играли в гляделки, а потом она наконец произнесла:

– Если бы ты спросил повежливее, я бы, может быть, и рассказала.

Сами ее слова звучали безобидно, а вот интонация, с которой она их произнесла, и то, что читалось между строк, – вовсе нет. Миле не нравилось, когда ее пытались заставить что-то сделать. Она всегда реагировала наперекор, своенравно, может быть, даже недружелюбно, но ей было все равно.

Ашер внезапно рассмеялся. Тариэль удивленно посмотрел на него и на Милу. Он смеется над ней? В его глазах искрилось веселье. Ничего не говоря, он медленно скользнул взглядом по ее лицу.

Подошла официантка. Завладев напитками, Ашер поставил воду перед Тариэлем, а себе забрал бокал красного вина.

– Туше, милая.

Он поднял бокал, кивнув Миле, понюхал его содержимое, отпил глоток, а потом чуть заметно скривил губы и поставил бокал на стол.

У Милы слова застряли в горле. Как раз когда она снова обрела способность говорить и набрала воздух в легкие, чтобы сообщить ему, каким бесцеремонным он ей кажется, он продолжил:

– Мила. – Он произнес ее имя нараспев, словно наслаждаясь им. – Милая, милая. Именно это твое имя и означает.

Он словно понял, о чем она думает и что хотела ему высказать, и потому решил ее опередить, не дав ничего возразить.

Мила дернула подбородком. Ей не хотелось, чтобы его слова, его рассуждения о значении ее имени вызывали у нее какие-то чувства.

Но именно это и происходило.

– Меня зовут Милена.

Ухмылка Ашера становилась все шире и шире, и Мила заметила, что она втянулась в его игру. Хотя и не знала, во что именно они играли.

Что она здесь делает?

– Это означает «дружелюбная, милостивая, добродушная», – перечислил он. – Думаю, «милая» мне больше нравится.

– Ашер, может, подождешь меня снаружи? – вмешался Тариэль, уберегая Милу от риска сказать то, о чем она впоследствии могла бы пожалеть.

Ашер поджал губы. В нем будто происходила какая-то внутренняя борьба, и на секунду он отвел взгляд от Милы. Наконец он встал, выполняя просьбу Тариэля. Он слегка склонил голову, словно изображая поклон, что совершенно выбило Милу из колеи.

– Желаю приятного вечера, Мила. Надеюсь, мы скоро встретимся.

Как только он вышел из кафе, Мила глубоко вздохнула. Она сама не заметила, как ее пальцы сжимаются, вцепившись в ткань джинсов.

– Извини, он ужасно невежливый.

– Все в порядке. – И это, в каком-то безумном смысле, была чистая правда. Сейчас, когда он ушел, Мила снова смогла расслабиться.

– Это твой друг?

– Зависит от того, что понимать под словом друг.

Мила лишь кивнула. Его слова показались ей странными. Как вообще можно по-разному понимать слово «друг»? Но она не стала углубляться. Ей показалось, что это слишком личный вопрос. Слишком сложный.

– Как я уже сказала, спасибо, что проводил меня и присмотрел за мной. Не думала, что мы встретимся снова.

– Меня это совсем не затруднило. Теперь у тебя все нормально?

– Да. Все в порядке.

Она понятия не имела, что заставило ее соврать. Может быть, соврать было проще, чем сказать правду.

Тариэль отпил воды и наклонился к ней немного поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Национальная библиотека Чешской Республики.

Купить: https://tellnovel.com/rid_ava/kryl-ya-iz-dyma-i-zolota

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити